

ОПЯТЬ — АЛАРМИЗМ?*

Автор рецензируемой монографии «Китай — Россия — Америка: От соперничества к гармонии интересов?» известный российский китаевед Ю.М. Галенович на основе анализа аналитических материалов, появившихся в Китае, приходит к ряду выводов и выдвигает предложения, которые заслуживают самого пристального внимания. В частности: «Пекин весьма заметно активизировал свою внешнюю политику: осуществлен визит главы правительства КНР в Вашингтон; состоялся визит министра обороны КНР в США... прошли переговоры с руководителями Европейского Союза (в китайской печати отношения КНР с Европейским Союзом охарактеризовали как «всестороннее стратегическое партнерство» (с. 54). В то же время сентябрь 2003 года в Пекине представители МИД КНР в беседе с учеными ИДВ РАН называли «месяцем России» (с. 269).

Ю.М. Галенович утверждает, что в России «...уделяют главное внимание развитию сотрудничества и всестороннего стратегического партнерства в первую очередь с США и странами Запада. При этом стремятся уравновесить отношения с США и их западными партнерами» (с. 269). Но одновременно он критикует политику России и Китая в области туризма: «Необходимо, чтобы туристы из КНР приезжали к нам непременно по туристским визам, срок действия которых должен быть обязательно ограничен несколькими днями или неделями, но не месяцами, и, тем более, не целым годом» (с. 272). Это предложение выглядит неприемлемо.

Еще один тезис, выдвигаемый Ю.М. Галеновичем, звучит следующим образом: «Пекин намерен содействовать сотрудничеству между пограничными регионами. В КНР выдвинута новая задача-лозунг «Возродить Северо-Восток Китая» как базу промышленности КНР. В этой связи строятся планы развития двусторонних связей с нашим Дальним Востоком» (с. 212).

В этом усматривается эгоистический характер экономических связей со стороны КНР. Ю.М. Галенович в своей работе пишет: «В Пекине утверждают... нам в китайско-российских отношениях нужны нефтепровод, мост, дорожная сеть, чтобы все это нас связывало» (с. 274—275). «...В КНР проявляются настроения превращения вопроса о нефтепроводе в политический и «символический» вопрос». Это один из многих случаев в рецензируемой книге, когда некоторые факты выглядят как обвинительное заключение. Такой характер носит и нижеприведенный тезис: «Китайцы заявляют, что во Владивостоке, на Дальнем Востоке на проживающих там китайцев нападают хулиганы. Это воздействует на инвесторов. Подчеркивают желание укреплять торгово-экономическое сотрудничество, при этом отмечают необходимость экономического доверия» (с. 275). Излагая позицию китайской

* Галенович Ю.М. Китай — Россия — Америка: От соперничества к гармонии интересов? М.: Русская панорама, 2006. 570 с.

стороны, Ю.М. Галенович пишет, что Россия должна поступиться и своими стратегическими расчетами, и своими экономическими интересами и вообще создать символ признания главенствующей роли Пекина при решении проблем в наших отношениях. Вряд ли такое изложение фактов соответствует реальному положению вещей.

Во внешней политике Китая Ю.М. Галенович видит своего рода подвох: «...ощущается желание с китайской стороны подвинуть и американцев, и нас на продолжение борьбы против упомянутого «международного терроризма», а самой на практике фактически остаться в стороне от реальной борьбы против этого явления» (с. 276—277). Нужно заметить, что в своей критике действий китайской стороны Ю.М. Галенович взял слишком высокий тон, что помешало ему правильно понять суть внешнеполитического курса КНР.

Переходя к вопросу о взаимном доверии в отношениях между двумя странами, Ю.М. Галенович пишет: «У китайских предприятий также недостает должной степени доверия и надежности характеру российского технического оборудования и обязательности выполнения российской стороной условий соглашений. При проведении тендера в связи со строительством гидроэлектростанции в Трех ущельях (Санься) и в связи с проектом «транспортировки газа с Запада на Восток» было трудно отделаться от сомнений, возникших в силу того, что китайские предприятия априори или слепо сомневались в достаточно передовом характере российского машинного оборудования и отвергли российскую сторону» (с. 279—280). Что же, упрек справедливый, хотя бы отчасти. Действительно, в свое время российские бизнесмены выиграли тендер на поставку оборудования для строительства каскада электростанций в Санься, но, несмотря на это, китайская сторона передала заказ на поставку оборудования американским фирмам.

Ю.М. Галенович продолжает излагать мнение китайских экспертов по российско-китайским отношениям: «Один из китайских специалистов по нашим двусторонним соглашениям также отметил, что в то же время в Китае полагают, что у российско-китайского торгово-экономического сотрудничества имеется громадный потенциал и перед ним открываются широкие перспективы» (с. 282). На это следует комментарий, что «...все еще не в полной мере раскрыты потенциальные преимущества экономик двух стран. Китайская сторона все еще не в полной мере использует достижения российской стороны в сфере космонавтики, тяжелой промышленности, разработки и использования энергоресурсов. Российская сторона также не в полной мере использует достижения китайской стороны в сфере легкой промышленности, электроники, сельского хозяйства, ресурсов рабочей силы» (с. 283).

Что касается вопроса об использовании китайской рабочей силы, то на это Ю.М. Галенович отвечает: «К предложениям об использовании ресурсов рабочей силы в нашей стране целесообразно подходить с особой осторожностью. До той поры, пока, по крайней мере, в юридическом плане, не будет решен вопрос о границе между нашими странами, то есть пока не бу-

дет подписан новый договор о границе, использование китайской рабочей силы должно быть ограничено жесткими условиями, главным из которых является полная легальность этого процесса» (с. 283).

Ю.М. Галенович демонстрирует слишком суровый подход к использованию китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке. Можно, конечно, допустить, что для китайцев продажа рабочей силы на российском Дальнем Востоке является самоцелью, но, с точки зрения российской стороны, использование крайне дешевой рабочей силы — вынужденная необходимость, ибо демографическая ситуация на российском Дальнем Востоке и состояние рынка рабочей силы таковы, что привлечение китайской рабочей силы выгодно, следовательно, экономически целесообразно.

Еще одно предложение Ю.М. Галеновича сводится к следующему: «Движение людей и товаров в районе границы также целесообразно ограничить, по крайней мере, вплоть до решения вопроса о границе, да и после этого с той целью, чтобы ни в коем случае не допускать появления на нашей территории «китайских поселений или городков» (с. 283). В отношении движения людей и товаров это очень опасное предложение и с точки зрения психологии, и с точки зрения экономики. Ближайшими экономическими последствиями будет экономический ступор, а в психологическом аспекте произойдет резкий скачок ксенофобии и шовинизма.

Далее Ю.М. Галенович продолжает излагать точку зрения одного из экспертов по России: «Китайский эксперт утверждал, что за последние четыре года в России почти никаких реформ не было. Писали о реформах, но результатов нет, или дело застыло на полпути. После ухода из правительства Б.Е. Немцова реформы, например в области ЖКХ, прекращены. Это положение сохраняется и в период президентства В.В. Путина, хотя в эти годы рост у нас есть. Но если реформ не будет, то не будет и стабильного постоянного роста. Вклада в рост реформ почти нет. Главное — нет роста нигде, кроме сырьевых областей. Это для России серьезная проблема. Обязательно надо осуществлять реформы. Необходимо найти возможности осуществлять реформы, чтобы население почувствовало результат».

Другая экспертная оценка, приводимая Ю.М. Галеновичем, касается кадрового вопроса: «По мнению одного из китайских экспертов, развитию обмена между РФ и КНР мешает, в частности, состояние дел с кадрами. Нужны специалисты. Профессионалов мало <...>. В Китае мало китаистов. В России мало знают Китай. Поэтому договоренности не реализуются. Люди в России не понимают, что надо держать слово.

В компаниях обеих сторон, которые ведут дела друг с другом, не знают русского или китайского языков. Нет таких кадров, которые владели бы и языками, и основами той или иной профессии.

Поэтому, во-первых, необходимо расширять обмен студентами. Это общее дело и России, и Китая. Во-вторых, было бы целесообразно организовать на регулярной основе своего рода летние курсы для молодых работников российских и китайских компаний; такие курсы можно было бы организовать в России, скажем на Байкале, и в КНР — в Шэньяне или в Бэйдайхэ» (с. 285).

Продолжая излагать позицию китайских экспертов в области российско-китайских отношений, Ю.М. Галенович пишет: «Большинство китайских ученых считают, что в политическом плане отношения России и Китая развиваются успешно, в военном плане усиливаются, а в экономике несколько отстают.

Для достижения успеха в политических стратегических отношениях надо развивать сотрудничество в различных направлениях. Есть два аспекта применительно к вопросу о перспективе российско-китайских отношений.

Первый. В экономическом плане Китай и Россия должны налаживать сотрудничество в широком смысле, вне зависимости от позиции руководителей, а как деловые люди.

Второй. В политическом плане надо усиливать открытое взаимопонимание. Я не знаю, что думают в России, но в Китае некоторые ученые имеют сомнения» (с. 286).

Представляется, что безымянный китайский эксперт в оценке ситуации, сложившейся в России, во многом прав.

Ю.М. Галенович обращает внимание на отношения между Россией и Китаем: «В Пекине также утверждают, что КНР в основном разрешила с Россией вопрос о границе. Следовательно, в Китае считают, что в наших двусторонних отношениях существуют не пограничные вопросы, а вопрос о границе, и что этот вопрос не решен полностью, а решен только «в основном».

Важно отметить, пишет Ю.М. Галенович, что в Китае продолжают применять термин «вопрос о границе» и не применяют термин «пограничные вопросы». В то же время для наших руководителей свой термин «проблема границы» или «вопрос о границе», который означает, что границы между РФ и КНР, юридически признанной обеими сторонами на основе равноправного договора о границе, так еще и не существует, на русский язык его переводят как «пограничный вопрос». В частности, в Совместной декларации, подписанной 27 мая 2003 г. президентом РФ В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзинтао, в китайском тексте употреблен термин «вопрос о границе», а в русском — термин «пограничные вопросы». Это своего рода мина замедленного действия» (с. 291).

Согласно комментариям Ю.М. Галеновича получается, что у нас не существует равноправного договора между КНР и РФ. «Вместо нынешнего «неравноправного» договора нужно подписать новый, равноправный, считает российский ученый, в котором были бы окончательно решены «пограничные вопросы» (с. 300—301).

Позволим себе не согласиться с Ю.М. Галеновичем. Пересмотр заключенных договоренностей о пограничном размежевании был бы крайне опасным делом с неопределенными последствиями. Предложение пересмотреть существующий «неравноправный» договор 2001 г. представляется в корне неправильным, с точки зрения логики, игрой с огнем — с точки зрения политики. Ю.М. Галенович не прав, когда говорит о том, что пограничное размежевание не доведено до конца. Оно доведено до конца оригинальным образом. Своим «Распоряжением Президента Российской Федерации о подписании Дополнительного соглашения между Российской

Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской межгосударственной границе на ее Восточной части, Протоколом между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о плавании российских и китайских судов в акватории, расположенной вокруг и прилегающей к району островов Тарабаров и Большой Уссурийский (острова Хэйсяцзыдао), и Меморандумом между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о применимости действующих соглашений между Россией и Китаем к новым делимитированным участкам российско-китайской межгосударственной границы» В.В. Путин указал выход из тупикового положения. Вопрос о пограничном размежевании в восточной части решен В.В. Путиным весьма оригинально — в форме административно-правового акта, путем распространения действующих соглашений между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики, касающихся режима границы.

Нужно согласиться с утверждением Ю.М. Галеновича о том, что «терроризм, сепаратизм, экстремизм представляют собой общую опасность для России и Китая, а то, что все эти три явления носят трансграничный характер, требует эффективного международного сотрудничества, особенно сотрудничества между теми крупными странами, которые обладают влиянием в этом районе» (с. 297).

Продолжая анализ межгосударственных отношений, Ю.М. Галенович обращается к вопросу о причинах возникновения сложностей в отношениях между КНР и РФ. Он пишет: «В КНР выдвинуты установки: «за добрых, стабильных, богатых соседей».

Одновременно в Пекине есть свое понимание причин возникновения сложностей в наших двусторонних отношениях. При этом утверждают, что «обеим странам взаимно не хватает глубокого понимания политических и экономических проблем друг друга, истории, культуры и традиций друг друга, а это ограничивает углубление обменов между странами, особенно в условиях, когда в сердцах и душах масс населения обеих стран продолжают сохраняться некоторое ошибочное понимание, предвзятость, безучастность, игнорирование и даже враждебные чувства; некоторые внутренние факторы в обеих странах зачастую могут приводить к тому, что чисто экономические вопросы осложняют двусторонние политические отношения и ухудшают их» (с. 299). Нужно согласиться с приведенной оценкой влияния экономических связей, что вызывает чрезмерную политизацию экономического взаимодействия.

Действительно, в последнее время отношения между КНР и РФ переживают определенные трудности, подвергаются серьезным испытаниям. Однако нужно заметить, что долговременные общие интересы РФ и КНР преобладают над противоречиями, которые между ними имеются. Поэтому у стратегического партнерства, сложившегося между двумя странами, существуют вполне благоприятные перспективы.

Чжоу ЦЗЯНЬИН,

аспирантка кафедры всеобщей истории ДВГУ